

ВРЕМЯ БЫТЬ САМУРАЕМ?

Безусловно, раздражают люди-истерички с рефреном "Ой, мы всё умрём!", однако, не меньше отвращение вызывают люди-мотиваторы, точнее — рекламные слоганы и статьики, написанные купленными блогерами. Всё под копирук. "В тенетах самоизоляции — самое время выучить новый иностранный язык, стать чемпионом и Аполло-

что будет дальше и чем всё кончится. Более того, мы начинаем... привлекать к смертям, как это было, например, в XIV столетии в дни Великой Чумы. В сводках Яндексса — констатация. Вот не стало учёного такого-то, вот — умер предприниматель, а там — ещё кого-то унесли на кладбище. Какой инглиш? Какие постижения? Да не растерять же то, что есть! Вот женщина из моей френдленты сетует, что ей (ленивой овце) хочется размещать в блоге иллюстрации с котиками и перечитывать Шарлотту

это примерно, как смотреть на еду, зная, что она, в принципе, недоступна. Не сейчас, не через час. Лучшее уж тогда читать книги и смотреть кино — эти формы изначально не подразумевали "включать", обоняние и осязание. Ребята из музеев тоже не отстают от карантин-трендов — устраивают онлайн-программы, созданные по мотивам не случившихся выставок. Нет, они молодцы, конечно. Хотя бы так. Опять же, молодёжь у нас (и не у нас — тем паче) вся — в гаджетах по

сала отчёты в газету "Завтра". Так вот! Невозможно "по скайпу" смотреть картины Рафаэля — его Мадонны светятся изнутри. Немыслимо понять гениальность Кундига, не находясь рядом с картиной! — этот мастер обладал уникальным зрением. Бесплезно "лазить" по югу Франции, не вдыхая аромат цветов, пыли, солнца.

Более того, никакая, пусть и самая грамотно отснятая, лекция на Ютубе не сравнится с ощущением "реала" — ни для лектора, ни для зрителя-слушателя. Все эти онлайн-обрубки (а иначе и не скажешь) вообще не создают настроения. Их можно "втыкать" между делом или же — сугубо для получения информации. Даже презентация книг живую — это совсем другая атмосфера. Общение с писателем, реплики, смех, аплодисменты... И — все вместе, рядом. О том, что Моцарт на экране и Моцарт в Консерватории — это разные звуки, на-

ВЫРАСТИЛИ УРОДОВ

Следстватий возбудили уголовные дела против подозреваемых в провокации с нацистскими фото в ходе виртуального шествия "Бессмертного полка". Имена гадёнышей тоже обнародованы. Это — Даниил Симонов из Перми, Андрей Шабанов из Самары, Денис Воронцов из Волгограда и Вячеслав Круглов из Ульяновска. Остальные оказались иностранцами из Украины, стран Балтии и т. д.

В чём же дело? Началось с того, что в этом году по известным причинам 9 мая не состоялось ставшее уже традиционным шествие "Бессмертного полка". Его предложили сделать в режиме онлайн — прислать фотографии своих предков с описанием подвига или фронтового пути. Я вообще дурно отношусь к любым онлайн-форматам — есть в них что-то фальшивое, но если общество решило принять в этом участие — почему бы нет?

Однако не обошлось без idiotских, оскорбительных "шуточек". Скорбные головешки молодые люди прислали на адрес портала фотокарточки... нацистских лидеров, сопроводив их вымышленными именами и придуманными наградами. Так Адольф Гитлер, которому путём фотошопа стёрли усики, значился, как Сумин Владимир Владимирович, погибший в ходе Висло-Одерской операции.

Придурковатые и, видимо, томящиеся от безделья, ребята гнусенко подпустили вони, как-то не рассчитывая, что в условиях пандемии ими круто займутся. Пока им инкриминируют "одобрение преступлений нацистского режима, установленных приговором Международного военного трибунала в Нюрнберге". Если честно, формулировка в данном случае юридически слабая. Эти персонажи никого не одобряли — они вряд ли вообще соображали. Их цель — испугать людям праздник, высеять святыни, харкнуть на Вечный Огонь. Виртуально. Но раз иной статьи нет — должна быть применена эта.

Однако у меня есть вопрос к устроителям онлайн-шествия: а что, вы сами не знали, как выглядят Гитлер, Гиммлер и ещё ряд нацистских деятелей, раз эти физиономии попали в "общий строй"? Где были ваши-то глаза? Это как? Халатность или небрежность? Это риторические восклицания, ибо проморгавшие Адольфа навсегда могут объяснить свой промах. И потом, у них-то умысла не наблюдается. Ах, мы не хотели, мы случайно, Гитлер проскочил как-то сам...

Но это событие — из той же похабной серии, что американские линкоры на поздравительных плакатах, британские, а то и немецкие солдаты на открытках, полупрофили эсэсовцев на памятных табличках — этими образчиками исторической расхлябанности (огрехов "девочек-дизайнеров") полон весь интернет. В этом году, например, в одном из городов Республики Коми, Усинске, некоторое время красовался растяжка с изображением финского солдата, держащего под уздцы северного оленя.

И подобным "ошибкам" несть числа. У определённой части публики начисто отшибло родовую и коллективную память. Неужто вправдaь мозги теперь нужно только с помощью карательных мер? Что выиграли те весельчак, что посылали фотки нацистов на портал "Бессмертного полка"? И вообще: кто их воспитывал? Какая мать и какая школа всё это выпестовала? Хватит уже всё списывать на компьютерные игры и социальные сети. Плунуть бы в эти морды, да только запрещено законом...

Галина ИВАНКИНА

НОРМАЛЬНАЯ ДЕПРЕССИЯ

Заметки из самоизоляции. Глава III

ном, вышить крестиком "Джоконду" и переписать "Войну и мир", а ещё — стать сильнее, мудрее и каждый день стоять на голове, произнося фразы из Кодекса Бусидо!" Только так! Быстрее, дальше, бойчее! Ни дня без строчки. Ни секунды без подвига. Будь крутым — напиши книгу в изоляции... про свою изоляцию. Издай бестселлер. Пока все рыдают — заделайся самураем.

Весь интернет буквально кишит ссылками на онлайн-школы и прочие супер-тренинги. Резвые мальчишки и девочки предоставляют платные возможности: научиться плясать, садиться на шпагат, спелить что-то, сваять, изготовить. "Коронавирус — это возможность!" — кричат слоганы. Опомнитесь уже, дефективные. В смысле, эффективные. Что часто одно и то же. Какое саморазвитие в перманентно-стрессовом состоянии? Какие вышивания? Какие языки? Человечество переживает коллективную травму и, вероятно, смену цивилизационной парадигмы. На хрена вам новые-ценные-знания, если завтра они (скорее всего) станут бесполезными?

Я вовсе не являюсь сторонницей пассивности и, полагаю, что надо соблюдать режим дня и не увлекаться сладким. Не говоря уже о спиртном. И читать книги — непременно, и кино смотреть, если хочется. Мы обязаны выйти из этой чудовищной ситуации людьми, а не зверушками. Однако "учиться новому" в период нагнетаемого (что вовсе неудивительно) безумия, преодолевать нормальную в данных условиях депрессию при помощи онлайн-курсов, изображать вечный двигатель — это что-то совсем уже нездоровое. Если вы всегда писали стихи — безусловно, карантин может дать "повод" к всплеску творческой активности, но что-то начинать "во время чумы" — зачем?!

Иные господа вопят: если ваш бизнес пошёл ко дну, значит он не был нужен людям! Если вы заболели — вы лох! Если вам страшно — вы не хо-мо-сапиенс. Именно что сапиенс. Животное мало думает — оно приспосабливается или погибает. Человек — рефлексировать. Он, в отличие от слона да москы, имеет мысли о будущем. И они — эти мысли — не всегда радужные. К тому, что с нами происходит, никто не был готов: ни Путин, ни бизнесмен, ни гастарбайтер. Ни я, прошедшая 1990-е, ни девочка, родившаяся в середине 2000-х.

Требуется отмены самоизоляции! Потому что хочется гулять! — преступно. Изображать довольство и бравировать результативностью, зная, что в этот момент опять кто-то умер — чудовищно. Панковать — глупо, изображать бодячество — гнусно. Увы, сейчас многие мечутся между "глупо" и "гнусно", не зная,

Бронте. А что, надо пополнять таблицу Менделеева новоизобретённым элементом? Это счастье, что котик и Бронте всё ещё вызывают приливы настроения. А вот — уже мужское раздражение, что "опять не смог заставить себя" что-то сделать. И отлично! Это только у барона Мюнхаузена был "запланирован подвиг".

Время для раздумий — да. Время для повышения эффективности в новых знаниях — нет. Другая дама из моей френдленты огорчается, что её сын плюнул на учёбу и сидит-рисует-комиксы. Мол, есть у него талант, но как же предметы, экзамен, вуз?! И молодец, что забросил языки и математику. Карантин — это не стимул сворачивать горы в областях, которые и так не вполне интересны, а вот рисование комиксов — отличное занятие. Лучше, если бы он решил кинуться из окна?

Представьте себе, что Пушкин во время Болдинской осени, также вызванной карантинном, стал бы учиться мостостроению или вязанию шапочек, и жутко расстраивался бы от своей "малой результативности". Длительный стресс, замешанный на пандемии, — одно из самых нересурсных (как говорят психологи) состояний, а форсирование, насильование мозга приведёт к ещё большему срыву — лучше уж выдавать комиксы, радоваться котикам и... строчить поэму, если вы случайно Пушкин.

ОНЛАЙН-ЭРЗАЦЫ

Каждый день в топе Яндексса, не говоря уже о простой рекламе в блогах и на сайтах, предлагают "онлайн-мероприятия". Так, можно прогуляться по залам пустого Лувра, пробежаться по туристическим местам Италии, что-то там ухватить в жарких странах. Онлайн. Очами. Вам будут вляпать весёлые картинки, а вы — типа гуляете по вроде как старинному граду Каркассон, похожему на сказочные башенки из детских книг. В сопроводительных репликах — море позитива. На фоне какого-нибудь моря. К примеру, Чёрного. Бают, что онлайн-экскурсии набирают всё большую популярность в мире — по случаю пандемии. Этакий пир для глаз во время недо-чумы.

Одна дама, которая вела травэл-канал долгие годы, рассказывает о своих бизнес-тяготах: мол, смысл-промисел прикрылся, но не тотал-кирдых. Она же умная — она бойко перепрофилировала контент. С реала — в тотальный виртуал. Раньше — приглашала плынуть на Гавайдыквир, а теперь — глотай кефир и смотри видеоярд, Жри глазами, всё равно больше-то ничего нет. Лично для меня

самые брови. Смотри картины, слушай лектора, запоминай — может, пригодится в чате с умной девочкой. Или для сдачи ЕГЭ. Очень хорошие люди — москвоведы, водившие по центру города экскурсии, лихо перетекали в зооп-ы или ещё куда. Устраивают видеоконференции, лекции. Ходи по квартире — и внимай, как будто ты на Пречистенке.

Наиболее маразматический, издательский вариант — "онлайн-программа парка такого-то для детей". Я понимаю, что всё это вынужденно, а виртуал-практика — это хоть и унылый эрзац, но всё же попытка что-то созидать. Но мне совершенно не хочется включаться в эти не-хождения по экспозициям. Я бывала в разных странах, посещала самые неожиданные музеи и не пропускала ни одной значительной выставки в Москве — о некоторых из них пи-

верное, и говорить, не стоит. Многие с интересом включали онлайн-премьеры из московских театров и говорили одно и то же: "Нет того воздуха!" А воздух на спектакле — самое главное. Энергия актёров и — обратная энергия зала.

К сожалению, объекты культуры откроются в самую крайнюю очередь — после всех больших да малых едален и купален, фитнес-клубов и каруселек. По одной простой причине — даже самые богатые музеи не так доходны, как пицца-бары и массаж-салоны. Я сама себе говорю: "Я-то уже везде побывала, всех Леонардо увидела, а вот другие...?" Впрочем, я могу быть слишком наивной — виртуал-цивилизация одно не особо надо. А мне — не надобен ваш онлайн-тренинг, экскурс и дискурс. Старорежимно откланиваюсь!

Иосиф Бродский в «архангельской ссылке». Фото середины 1960-х годов.

ЛЮБЫЕ ДАТЫ, связанные с фигурой Иосифа Александровича Бродского (24.05.1940 — 26.01.1996), как и сама эта фигура, — взрывоопасны. Хотя, казалось бы, чем и кому может грозить "окололитературный трутень", как определили поэта в известной публикации, подписанной Я. Лернером и ставшей "запалом" для общественного суда 1964 года? Как известно, у трутень нет жапа, а их функции в пчелиной семье, мягко говоря, далеки от сбора мёда и защиты, в случае необходимости, родного улья. Но без них природа почему-то не обходится...

Впрочем, длить аналогии между жизнью общественных насекомых и жизнью человеческого общества можно бесконечно. Но, по большому счёту, бессмысленно. И этот логический счёт заключается в том, что "функциональный набор", "функционал" той же пчелиной или муравьиной семьи для нас известен и жёстко определен. Чего нельзя сказать ни о человеестве в целом, ни даже о любом человеке в частности. Вернее, сказать-то можно, но это будет ложью. Человек — не данность, пусть даже в 99,9% случаев он за рамки своей данности не выходит. Человек — это возможность, которая иногда реализуется. Лишь иногда — то есть гораздо реже, чем хотелось бы...

"Все дети гениальны" и "все мы родом из детства", но далеко не всем детям дётся об этом узнать или хотя бы это почувствовать — у общества и у окружающих заготовлен для них совсем иной "функциональный набор". "Люди верят только славе и не понимают, что между ими может находиться какой-нибудь Наполеон, не предвидительствовавший ни одною егерской ротой, или другой Декарт, не напечатавший ни одной строчки в "Московском телеграфе"... Мы ленивы и нелюбопытны", — вынес свой приговор Пушкин. Впрочем, слово "поэт" в одном из своих значений сопягается со словом "творец" — "Творец" не только с маленькой, но и с большой буквы.

"Кто-то, а поэт всегда знает, что... не язык является его инструментом, а он — средством языка к продолжению своего существования", — было сказано Бродским в его "Нобелевской лекции" 1987 года, на пике и переломе горбачёвской "перестройки" в СССР. Там же он говорил: "Если тем, что отличает нас от прочих представителей животного царства, является речь, то литература и, в частности, поэзия, будучи высшей формой словесности, представляет собою, грубо говоря, нашу видовую цель". Нет сомнений в том, что Бродский говорил это искренне, полагая, что искусство "вольно или невольно поощряет в человеке именно его ощущение индивидуальности, уникальности, отдельности — превращая его из общественного животного в личность". И делал следующий вывод: "За это-то и недолюбливают искусство вообще, литературу в особенности и поэзию в частности ревнители всеобщего блага, повелители масс, глашатаи исторической необходимости. Ибо там, где прошло искусство, где прочитано стихотворение, они обнаруживают на месте ожидаемого согласия и единодушия — равнодушие и разногласие, на месте решимости к действию — невниманию и брезгливости. Ины-

СОВЕТСКИЙ ФЛАВИЙ

К 80-летию со дня рождения Иосифа Бродского

ми словами, в "нолики", которыми ревнители общего блага и повелители масс норовят оперировать, искусство вписывает "точку-точку-запятую с минусом", превращая каждый ноллик в пусть не всегда привлекательную, но человеческую рожицу".

И вот здесь, наверное, лежит секрет "взрывоопасности" Бродского, его творчества и всего прочего, с этой фигурой связанного. Он, будучи выброшен (почему и зачем? — здесь нужно разбираться отдельно и долго, известное восклицание Анны Ахматовой: "Какую биографию делают нашему рыжему! Как будто он кого-то нарочно нанял", — появилось явно не на пустом месте) из советского общества в общество, условно говоря, западное, не мог не понимать, в какую игру попал и какие здесь правила игры. А потому занял максимально соответствующую его "Я" (с большой буквы) позицию — защитника внутренней свободы человека от диктата общества. Поскольку он был эмигрантом, "пострадавшим от советского тоталитаризма" и полностью вписавшимся в американское "свободное общество" (вот уж оскромон так оскромон — может ли существовать такое общество?), он был (и молчаливо соглашался быть) оружием в руках этого общества — своего рода симбионтом-анемомом на раковине рака-отшельника.

Но когда в 1991 году Советский Союз был окончательно уничтожен, творческое и свободное "Я" Иосифа Бродского объективно стало ненужным для "коллективного Запада", излпшним и столь же потенциально опасным для уже глобального "свободного мира", каким оно было до того для общества советского. Несомненно, чувствовал это и сам Бродский — во всяком случае, никаких восторгов по поводу "дивного нового мира" победившей либеральной демократии и "новой России", с её кумирами, он не высказывал — скорее, наоборот. Известные его реплики по поводу Евгения Евтушенко и стихи про Украину — тому свидетельство. И дело здесь, конечно, не в том, будто бы Бродский в глубине своей души был "русским имперцем", даже "имперцем русской поэзии" — имперцем он не был никаким. Просто его компромисс с западной, а ещё конкретнее — американской системой ценностей, вызванный наличием общего врага, исчерпан, изжил себя, а конфликт был объективно невозможен — вследствие полной предсказуемости последствий.

До сих пор идут споры о том, кому из русско-советских "диссидентов", Владимиру Максимову или Александру Зиновьеву, принадлежит фраза: "Мы целили в коммунизм, а попали в Россию". Если Бродский "целил в коммунизм", то попал в собственное сердце...

СПОРЫ О ЗНАЧЕНИИ творчества Бродского, о его месте (или даже отсутствии такового) в отечественной поэзии всегда будут отягощены описанными выше идеями и политическими моментами. Его формула: "Я еврей, русский поэт и американский гражданин", — была хороша при жизни, но после смерти ни факт еврейского происхождения, ни факт американского гражданства никакой самостоятельной роли уже не играют. Тем более — в исторической перспективе. Значимым остаётся лишь утверждение: "Я русский поэт". Как писал Маяковский: "Я поэт. Тем и интересен". Как-то особо настаивать на своей русскости Владимиру Владимировичу и в голову не приходило: "Я дедом — казак. Другим — сечевич. А по рождению — грузин". Он был поэтом советским, поэтом пролетарским: "Я всю свою звуковую силу поэта тебе отдаю, атакующий класс!". Эти ценности и смыслы он выражал на русском языке: "Я русский поэт выучил только за то, что им разговаривал Ленин..."

Маяковский и Бродский явно были по разные стороны баррикад. Поэтических — в том числе. Разговоры о поэзии русским и поэзии "русскоязычной", только написанной на русском языке, но транслирующей в него некие иные, "нерусские" ценности и смыслы, иногда достигают особенной ожесточённости. Считаю необходимым привести здесь отрывок из одного старого, октября 1993 года, и оставшегося по ряду причин (включая смерть адресата в Доме Советов) неотправленного письма на эту тему:

"В основе любой человеческой культуры лежит язык. Не живопись, не музыка, не танец, не кухня и не секс — язык. Причём "язык" — не в академической трактовке данного феномена, поданный в рецептурном гарнире словарей и грамматик, а язык как высшая цельность или даже самоцельность способа бытия человека и общества. Эта самоцельность подразумевает в языке наличие не только информационной, но и ценностной составляющей, которая указывает нам на его сверхчеловеческую сущность. Или, чтобы избежать кантонизаций с ницшеанским "сверхчеловеком", лучше сказать: над-человеческую" (сегодня я бы сказал несколько иначе: "внечеловеческую". — авт.).

Наш язык — несомненно и неосознанно — "умнее" каждого из нас. Он содержит в себе практически бесконечное количество смысловых рекомбинаций, "открывать" которые не хватит всей человеческой жизни. Да, он, по сравнению с этой человеческой жизнью, и практически вечен. Но — не бессмер-

тен, о чём напоминают нам так называемые "мёртвые" языки, от шумерского до латыни. И в этом отношении язык очень зависим от человека вообще и от каждого из нас в частности.

То есть, перечисляя и признавая эти, а также многие другие особенности (и странности) феномена языка, мы будем вынуждены признать, что он имеет не только надчеловеческую, но и в какой-то мере сверхъестественную природу, очень хорошо сопоставимую — да простят меня здесь и далее ревнители секулярной науки — с природой ангелов, какой та описывается в святоотеческой традиции.

Чтобы было понятно: целый ряд физических процессов на уровне микромира представлен теорией через соответствующие математические модели, которые никоим образом не могут быть интерпретированы с точки зрения их соответствия данным процессам. Зато сами эти процессы происходят именно таким образом, как должно быть в рамках данной математической модели. В этом смысле вполне можно признать, что природа языка является природой ангелической.

Феномен "русскязычности" не присущ какому-то одному писателю или даже группе писателей сколь угодно большой величины. Это феномен качественный, феномен "самоперевода" на русский язык произведений, которые написаны в информационном, смысловом, ценностном поле, свойственном совершенно иным языкам и культурам..." И здесь мы "вылетаем" уже в проблему перевода как формы взаимодействия различных языков и культур, их трансляции и трансмутации, если пользоваться терминологией Михаила Константиновича Петрова.

"ГОВОРЯЩИЙ НЕ ЗНАЕТ, знающий не говорит", — древняя китайская мудрость лишний раз подчёркивает глубочайшее различие между нашими цивилизациями. Китайский мудрец говорит мало или не говорит вообще — он, даже отвечая на почтительные вопросы учеников, расставляет облака на небе, создаёт жизненные ситуации, в крайнем случае — рисует некий иероглиф, который, помимо своего прямого, "словесного", "понятийного" значения будет нести, как минимум, ещё один дополнительный смысл. Дающий — но лишь тому, кто внутренне уже достоин ответа, — тонкий намёк на ответ. Скорее — зеркало, чем эхо другого иероглифа. Впрочем, таких "зеркал", отражающих исходные смыслы, может быть и десяток, и более того — на то есть искусство и наука каллиграфии. Разницы между "мёртвой буквой" и "живым словом" в китайской традиции просто нет — хотя бы по причине полного отсутствия букв и смысловое пребывания иероглифики исключительно в понятийной и графической, а не в звуковой сфере.

У нас — всё не так. Евангелие от Иоанна: "В начале бѣ Слово, и Слово бѣ у Бога, и Слово бѣ Бог". Слово как "логос" нужно прежде всего сказать "лектос". На Западе, с его "филиокве", это "диалог", "диалектика", двойная система исчисления, заложённая в компьютеры Apple и IBM... Но и молчание православных исихастов суть внешне проявление их непрерывной внутренней молитвы к Богу-Троице. Этот колокол звонит всегда — просто мы не все и не всегда способны его услышать. Иисус Христос — это Бог именно звучащего Слова. Более того — Он и есть Слово, Бог-Слово, Бог Слова Живаго. Да, он совершает чудеса, животворит и изгоняет бесов. Но главное для Него — в другом. Он поучает народ, Он проповедует. Он говорит притчами. Евангелие от Матфея: "Аз есмь алфа и омега". Алфа и омега — буквы греческого алфавита, первая и последняя... Но любые буквы, в отличие от иероглифов, передают на письме именно звучащее слово, передают почти "по-звуково", — они суть отлитые в графику звуки, они вторичны по отношению к речи: "Аз, бужки, ведеи. Глаголь добро есть..."

Для нас поэзия — прежде всего созвучие, сопряжение звучащих слов и — уже через них — веществ, существ, миров. Китайские поэты достигают той же цели совершенно иным путём — через сопряжение иероглифов, знаков. Поэтому китайская поэзия принципиально непереводама на семитские или индоарийские языки, в том числе русский. Она, по большому счёту, есть род не звукописи, но живописи. Это совершенно разные искусства, лишь по странному недоразумению называемые одним и тем же словом "поэзия". Китайские стихи нужно не переводить, а, скорее, переписывать словами. В лучшем случае, переводя с китайского, мы получаем некое подобие засушенной бабочки: форма вроде бы всё та же, те же крылышки, усики, лапки, но изначальной жизни, полёта там уже нет. "Од-нажды Лао-цзы (по другой версии — Чжуан-цзы) приписал, что он — бабочка и порхает среди цветов..." Собственно, всем переводчикам с китайского всегда снится один и тот же сон...

Да если бы только переводчикам! Если бы только с китайского! Читая стихи многих современных авторов, трудно избавиться от впечатления, что русский язык, на котором они вроде бы пишут вроде бы стихи, — так же далёк и чужд им, как, скажем, язык китайский. Люди мучаются сами, а заодно мучают "великий и могучий", не получая от своих усилий той радости творческого бытия в Слове, которая была, есть и

будет единственным источником настоящей поэзии. Вернее сказать, даже так: пространство жизни и пространство творчества у этих авторов оказываются разделены каким-то энергетическим барьером, так что сами они всегда находятся либо по ту, либо по другую сторону этого барьера — либо "там", либо "здесь", третьего не дано. Подобные свойства, в общем-то, присущи объектам даже не классической, а квантовой физики. Поэтому данный барьер, по аналогии с Великой Китайской стеной, наверное, следует назвать Великой Квантовой стеной современной поэзии.

ТАК ПО КАКОМУ СТОРОНУ этой стены (не идейно-политической баррикады) следует искать Бродского, насколько оправдано его позиционирование и самопозиционирование в качестве русского поэта? Наверное, я вызову несогласие и даже гнев со стороны многих патриотов, в том числе — своих друзей, если публично повторю то, о чём всегда говорил и говорю в приватном порядке: да, Бродский — русский поэт. Более того — он русский советский поэт. Даже в своей "антисоветскости", и даже — в ней по преимуществу.

Когда Сталин осуществлял самую тяжкую, по его признанию, часть советского проекта: коллективизацию деревни, по преимуществу русской деревни, — процесс этот, как до того — процесс "военного коммунизма", а после того — процесс "сталинских чисток" 1937-1938 гг., забжал далеко вперёд. Настолько далеко, что делал конечную цель — создание мощной тяжёлой промышленности — практически недостижимой. Тогда и появилась известная сталинская статья "Головокружение от успехов", благодаря которой процесс коллективизации был возвращён в границы приемлемого общества.

"Сталинский прорыв" 1930-х — 1950-х годов был осуществлён благодаря максимальной мобилизации советского общества, подчинения (нередко — насильственного) интересов человека интересам общества. Но когда объективная необходимость в таком тотальном подчинении отпала, "головкружение от успехов" у советской "номенклатурной элиты" остановилось было уже некому. Хотя Сталин в последние годы своей жизни и стремился к этому, посвятив данной проблематике свои последние работы, прежде всего — "Марксизм и вопросы языкознания" (1950), а также "Экономические проблемы социализма в СССР" (1952).

Так что всё "преддиссидентское" и "диссидентское" движение в послесталинском СССР было результатом не того, что "хрущёвская оттепель" ослабила давление власти на народ, а того, что это давление было ослаблено его же напором и не так, как это было необходимо для дальнейшего развития советского государства и общества. Конечно, одним из составляющих этого, извините за резкость оценок, исторического преступления было перекармливание "вины" на Сталина и его эпоху, вначале поданное как "борьба против культ личности"...

Здесь, надо признать, историческая правда, пусть и неприятная для нас, за послесталинской "диссидой" была, и "Софье Власевне", как её представители саркастично именovali Советскую власть, в конце концов, так и не удалось пройти "по лезвию бритвы" между требованиями прогресса, свободы и социальной справедливости. В последствиях этой "величайшей катастрофы XX века", катастрофы во многом рукотворной (но это — уже тема для отдельного разговора), все мы существуем до сих пор. Политическое и историческое творчество не менее сложно, чем творчество поэтическое, они взаимосвязаны и существуют в разных, но взаимопресекающихся измерениях. Правда, теперь, после трёх десятилетий господства "однополярного мира", эта "западная" и "пропазданная" правда уже исчерпана и почти полностью изжила себя, но это — вопрос времени и, соответственно, истории, которую волей-неволей, но нужно принимать в её максимальной цельности и полноте. Как законы природы, например.

Если же говорить об Иосифе Бродском как поэте, то надо сказать, что в иерархии "небес русской поэзии" он должен стоять и стоит достаточно высоко — как минимум, "на шестом небе", поскольку является не только автором нескольких бесспорных поэтических шедевров, ставших неотъемлемой частью истории отечественной (да и мировой) культуры, а также самой этой культуры, но и создателем (или, вернее — первооткрывателем) собственной версии русского поэтического языка. Вряд ли Колумб знал, что впоследствии будет происходить на территории обнаруженных им "Индий", но никому и в голову не приходило предьявлять ему подобные требования или попрекать зверским отношением к "индейцам". До этого человечество "доросло" только в начале XXI века, через полтысячи лет после самого события, ныне именуемого "открытием Америки".

Конечно, здесь почти ничего не сказано о фактах личной и творческой биографии Иосифа Бродского. Но они и так находятся в центре внимания многочисленной армии исследователей, к которой, увы, не имею чести принадлежать. Здесь лишь позволю себе провести весьма рискованную, но, на мой взгляд, вполне оправданную аналогию между героем этой статьи и другой исторической фигурой, его тёзкой Иосифом Флавием (он же — Иосеф бен Матитяху), автором знаменитых трудов "Иудейская война" и "Иудейские древности". Их официальные биографии, на первый взгляд, почти не имеют "точек пересечения", но сходны в одном ключевом пункте — переходе из одного "культурно-идейного поля" в другое, и даже по возрасту такого перехода, совершенноного под "давлением обстоятельств непреодолимой силы". Возможно, эта аналогия поможет лучше понять фигуру и феномен Иосифа Бродского.

Владимир ВИННИКОВ